

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТАТА КИТ

18+

ВАСЮ УЧИТЬ-
ТОЛЬКО ПОРТИТЬ

Тата Кит

Васю учить - только портить

<https://litres.ru/73951819>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда старый знакомый предложил своего бестолкового Васю мне в деревню на перевоспитание, я ожидал увидеть раздолбая, тощего мажора и просто никчемного идиота, который ничего тяжелее смартфона в руках не держал. Но оказалось, что Вася – это двадцатилетняя девчонка, обладающая крутым нравом, длинной косой, пышными формами и пердящим мопсом.

И перевоспитать ее не представляется возможным, потому что каждый раз, стоит мне начать «урок», роли стремительно меняются.

Содержание

Глава 1. Василиса	4
Глава 2. Василиса	9
Глава 3. Пётр	13
Глава 4. Василиса	16
Глава 5. Пётр	26
Глава 6. Василиса	32
Глава 7. Василиса	44
Глава 8. Василиса	53
Глава 9. Василиса	63
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Тата Кит

Васю учить - только портить

Глава 1. Василиса

- Вася! – гаркнул папа где-то в коридоре и вошёл в мою комнату, открыв дверь без стука. Я резко вскинула взгляд, стянула наушники с головы на шею, оторвалась от рисунка и вопросительно посмотрела на родителя снизу вверх. – Твою мать! - закатил он глаза, вероятно, снова увидев на моем лице пятна краски, да и сама я, пишушая картины лёжа на полу, едва ли вызывала у него восторг. – Ты когда-нибудь повзрослеешь? Ты что в пять лет занимался мазней, лёжа на полу на шпагате, что сейчас... Может, займёшься уже нормальным делом?

- Что в твоём понимании нормальное дело, пап? – поинтересовалась я сдержанно и деловито, наверняка зная, как его это бесит. Плавнo вышла из шпагата, собрала ноги лотосом и начала чистить кисточку от краски и воды, протирая ее тряпкой. – Работа на заводе? Или мне уже пора родить? А-то, наверное, как-то неправильно, что мне уже целых двадцать лет, а я еще ни разу не родила? Что я должна сделать,

чтобы ты начал уважать меня, мои интересы и то, что я делаю уже больше пяти лет?

- Найди для начала нормальную работу и пойми уже, что ты своей мазнёй ничего в этой жизни не добьёшься, Василиса.

Началось... Старая заезженная пластинка.

- Этой, как ты говоришь, мазнёй, папа, я зарабатываю деньги. Конкретно за эту картину я заработаю в конце недели тридцать тысяч рублей. Если ты не заметил, то я почти не пользуюсь твоими счетами, потому что у меня уже давно есть свой.

- И что? Ты думаешь, ты этим всю жизнь зарабатывать будешь? – папа брезгливо махнул рукой на другие мои холсты, приставленные к стенам, и буквально на глазах багровел от злости. – И твою мазню покупают только мои друзья и знакомые. Больше это нахер никому не надо. Думаешь, много дураков, которые согласятся добровольно за такие деньги покупать то, что ты тут вычихнула?

- Я тут вычихнула, папа, почти две недели своей жизни, - указала я на холст, с которым только что работала, и решила встать, потому что стоя на отца мне кричать было привычнее. А мы сейчас точно начнём кричать. Я отлично знаю сценарий наших ссор, которые проходят на повышенных тонах и заканчиваются хлопками двери, а потом мама капает папе успокоительные капли. В коньяк.

- Устройся ко мне в офис. Поработай на нормальной ра-

боте и пойми, наконец, что деньги нужно зарабатывать трудом, а не витанием в облаках и мазнёй по бумажке, - продолжал папа гнуть свою линию.

- Андрюш, - вклинилась деликатно мама, услышав наши вопли.

- Ты-то не лезь! – рявкнул папа, импульсивно взболтнув взмахом руки воздух. – Целовала? Дула ей в жопу? Вот и выросла у нас бестолочь!

- И жопа, кстати, тоже немаленькая выросла, - вклинилась я с тем же укором посмотрев на маму.

- Видишь?! – рявкнул папа, указав в мою сторону рукой и выпучив глаза на маму. – Ей, вообще, на всё похуй! Ей весело! Нихрена в жизни не умеет и веселится!

- Так отпусти меня! – вспылила я, бросив на пол кисточку и тряпку. – Дай пожить самостоятельно, без твоих денег и твоей поддержки, чтобы я, наконец, уже почувствовала эту страшную-ужасную жизнь по-настоящему взрослых людей, - потрясла я воздухе кавычками из пальцев. – Ты же сам меня никуда не отпускаешь.

- Да потому что ты сдохнешь одна с голодухи, когда красную водичку для борща найти не сможешь!

- Сам дурак! – крикнула я возмущенно.

На мой крик среагировал мой мопс, который, прячась за мной, начал лаять на папу.

- Беяш, тихо! – попыталась я успокоить буханку ярости у своих ног. Безуспешно. Он хоть и боялся папу, но, прячась

за мной, явно чувствовал себя бессмертным.

- Я тебе устрою, - закивал папа активно. В его широко распахнутых глазах явно зрел какой-то план. – Я тебе устрою взрослую жизнь. И пиздюку твоему тоже, - не забыл он упомянуть Беляша и, широко шагая, вышел из моей комнаты.

- Андрюша! – окликнула его мама и агрессивным шёпотом обратилась ко мне. – Тебе обязательно с ним спорить надо?

- Мне? Обязательно! Это не я врываюсь в комнату с ноги, чтобы рассказать кому-то о том, как жить надо.

- Хотя раз бы промолчала, Вась. Он поорал бы и успокоился, а ты его доводишь постоянно, - мама кинулась за папой, понимая, что сейчас начнётся большой концерт, в котором папа будет как прима-балерина, ходя по комнате из угла в угол, хвататься за сердце и сетовать на то, какая я никчемная у них уродилась.

Но сегодня сценарий явно пошёл не по плану. Папа вернулся в мою комнату с телефоном в руке, набрал чей-то номер и демонстративно, глядя мне в глаза, приложил телефон к уху.

- Здорово, Петя! – выронил он почти даже дружелюбно, когда кто-то ответил на его звонок. – Ты как-то говорил, что тебе по хозяйству нужен помощник. Нужен еще?

Серьёзно?

Я молча закатила глаза и сложила руки на груди. Это что-то новенькое. Даже интересно, чем закончится.

- Я пришлю тебе Ваську. Завтра... Не жалея. Гоняй по всему хозяйству... Всю работу, какая есть, вали на Васю. Навоз, дерьмо... Всё!... Я тебе сам доплачу... Угу. Понял... Завтра приедет.

Папа эпично отключил звонок и потряс телефоном перед моим лицом:

- Слышала? Поедешь завтра на ферму к Петьке. На месяц! Он мужик старой закалки. Бывший военный. По струнке научишься ходить.

- Посмотрим, - фыркнула я скептически, скрестив руки на груди.

Можно подумать я не смогу обвести вокруг пальца старого пузатого солдафона.

Глава 2. Василиса

До дома, в котором меня ожидало долгожданное для папы перевоспитание, водитель вёз меня больше двух часов. Не видя последние полчаса ни домов, ни каких-либо еще построек, мы с Беляшом непонимающе переглядывались, вероятно, оба рисуя в красках, что нас может ждать в конце пути там, где уже километров тридцать подряд нет ничего кроме деревьев, кустов и иногда отражающей солнечный свет змейки-реки.

Наверное, леший и избушка на курьих ножках.

Но, наконец-то, мы въехали в какую-то деревушку, которая на первый взгляд показалась приличной и даже красивой. Аккуратные домики, большая часть из которых коттеджи, не вызывали страх или отвращение, они были чисты, ухожены и было видно, что построены совсем недавно. Но и из этой деревушки мы тоже выехали. И проехав примерно километра два по бездорожью и поднимаясь и опускаясь по холмам и ямам, как в детском мультике, остановились у здоровенного двухэтажного дома из круглого дерева, а не из бруса, из которого были сложены домики в деревушке, которую мы только что проехали.

- Приехали, - устало выплюнул водитель, первым вышел из машины и, обойдя ее, открыл багажник, из которого выгрузил чемоданы с моими вещами и корм для беляша – тоже

пару чемоданов.

Взяв притихшего Беляша на руки, я тоже вышла из машины и с любопытством оглядела большой дом, который, как ни странно, показался мне очень красивым, несмотря на его внешнюю грубоватость и резкость линий. Большие окна, широкий балкон на втором этаже, с которого, наверняка, открывался отличный вид на реку и гору за ней.

Двор рядом с домом был украшен цветущими белым и розовым цветом петуниями и лаватерой. Всё выглядело органично, было видно, что за двором ухаживают, каждый цветок сидит на своём месте, но вместе с тем казалось, что это место дикое и не тронуте человеком.

Прижимая мопса к груди, я подошла к низкой калитке, сделанной из дерева, которое превратили в утонченное кружево. Где-то за домом был слышен редкий стук.

Дверь дома открылась и навстречу мне вышел симпатичный парень с восточным разрезом глаз.

- Здравствуйте, - улыбнулся он мне и открыл калитку, выйдя за двор. – А вы...?

- Вася, - улыбнулась я широко и протянула парню руку, при этом успокаивая рычащего в другой моей руке Беляша.

- А! – взметнул парень черные брови к короткой челке. – Сейчас, - указал он мне указательным пальцем на место, где я, видимо, должна была стоять, и вернулся во двор. Обошёл дом и скрылся из виду.

Стук за домом прекратился. Примерно через минуту из-

за угла в сопровождении парня вышел суровой наружности мужчина, держащий в руке топор.

Я инстинктивно напряглась и шумно сглотнула. Внешний вид бородатого мужчины, обхват одного бицепса которого, наверняка, был равен обхвату моей талии, не внушал ничего хорошего.

Рваные джинсы, синяя футболка, пропитавшаяся его потом и прилипшая к крепкому торсу и грузные коричневые берцы... да всё в нём кричало о том, что этот чувак не просто пришёл ко мне с топором, он с ним, наверняка, еще и спит, подкладывая под голову вместо подушки, использует в качестве брелока для ключей и как зубочистку.

Острый взгляд голубых глаз из-под слегка взлохмаченной каштановой челки, отдающей на солнце медью, придиричиво прошелся по моему кружевному белому платицу и длинной русой косе, перекинутой через плечо.

Даже Беляш в момент, когда на него пал суровый хмурый взгляд, задержал дыхание, чтобы затем выпустить воздух не только из пасточки.

- Вася? – обратился ко мне явно командирским голосом мужчина, всё ещё скептически на меня глядящий.

Стало ясно, что не так я себе представляла пузатого солдафона. У этого мужика кубиков я, конечно, через футболку не вижу, но точно вижу, что пивного пуза там нет.

И почему он такой... не такой, как мне хотелось бы? С низкорослым пузатиком, у которого нос был бы картошкой,

было бы гораздо проще проверить то, что я задумала.

Но что уж теперь. Поздняк метаться, как говорится.

Отыграю запланированную роль и, кто знает, может, уже завтра эта brutальная гора мышц, бороды и тестостерона прогонит меня обратно домой.

- Василиса, - произнесла я, аки нежный цветок под утренней росой. Жаль, что птички не слетелись на мой дивный, почти не прокуренный голосок. – Это меня папенька отправил к вам на перевоспитание. Право слово, не знаю, за что он так со мной, - заморгала я наивно-наивно, аж голова закружилась. - А вы Пётро Залупин, я полагаю?

Каштановая бровь мужчины слегка дернулась, но более на лице не дрогнул ни один мускул.

- Пётр Зацепин, - поправил он меня невозмутимо и проигнорировал протянутую в его сторону ладонь. Еще раз смерил меня сердитым взглядом, развернулся на месте и снова пошёл за дом, кинув своему помощнику. – Проводи ее в комнату.

Глава 3. Пётр

Педро, блядь, Залупин...

Дожил до тридцати семи лет, чтобы узнать от малолетки новое имя.

И какого хрена Вася – девчонка?!

Проходя мимо поленицы, всадил топор лезвием в первое попавшееся полено. Зашёл на террасу и, сев в кресло, взял со стола телефон, набрал знакомого, приславшего мне неправильного Васю.

- Да, Петь? Уже проблемы? – нервно и в то же время обеспокоенно спросил Михалыч.

- Уже проблемы, - подтвердил я. – Какого хрена у твоего Васьки сиськи больше моей башки и коса, мать её, до пояса?

- В смысле? – ошарашенный выдох. Вот я сейчас охуюю, если у Васьки это всё по дороге ко мне отросло. – Ты чё, Петь? Я же тебе говорил, что у меня дочка.

- Когда ты мне такое говорил? – я импульсивно рванул вперед и взял со стола зажигалку, начиная постукивать ею по столешнице.

- Ну... - протянул Михалыч, усиленно пытаюсь вспомнить. – Да говорил я! Все знают, что у меня дочка.

- Кто «все»? Ты, когда говоришь что-то кому-то, убедись, что тебя слушают, а не просто кивают, чтобы ты отъебался.

- Так в чем проблема, Петь? Какая разница, пацан или дев-

чонка? Завали ее работой, которую для пацана планировал. Пусть потрудится. Жизнь на вкус и запах узнает. А-то привыкла, что ей всё на блюдечке. Ее проживание я тебе оплачу.

Стиснув челюсти, я понимал, что здесь мне девчонка нахрен не нужна. Вся работа, какая у меня здесь есть, не для городских цветов. Она уже к завтрашнему вечеру начнёт плакать и проситься обратно к папочке.

- Чё молчишь, Петь?

- Киваю, - выронил я и бросил трубку.

Откинулся на спинку кресла и поскреб бороду. На втором этаже уже надрывался лупоглазый пердушонок девчонки. Хрен поймешь, лает он там или храпит.

Резко встав с кресла, вошел в дом со стороны террасы, скинул ботинки и поднялся на второй этаж, где девчонка уже без моего помощника разглядывала отведенную ей комнату.

Брезгливо, пренебрежительно.

Так и думал, что та Барби, которую она разыгрывала у калитки, - напускное. В ее голубых глазах слишком много бесов для того, чтобы она действительно была тупой и наивной куклой. Похоже, кое-кто планирует меня хорошенько наебать, играя в принцессу.

Псина ее усиленно надрывал своё приплюснутое хрючего, прячась при этом за ногами хозяйки.

- Чудесная комната. Великодушно благодарю, - моргала девчонка, глядя мне в глаза без какого-либо стыда или смущения.

Пиздеть – не мешки ворочать.

- Переодевайся. Работа не ждёт, - бросил я ей достаточно грубо, чтобы не думала, что я могу повестись на ее спектакль. Девчонка она крепкая, фигуристая, не костлявая. Работу потянет любую. Хотя, один хрен, самое тяжелое придется привычно брать на себя.

Отдохнул, блядь...

Глава 4. Василиса

Шустрый парень с приятной улыбкой поднял мои чемоданы на второй этаж. На вид он казался моим ровесником. Возможно, у меня получится подружиться с ним против нашего общего «хозяина».

Поставив на пол Беляша, который настороженно начал обнюхивать всё, что ему попадалось под приплюснутый нос, я остановилась посреди комнаты, чтобы тоже «обнюхать» окружающую меня обстановку.

Как-то всё слишком... просто. Простая кровать с деревянным изголовьем. Простая серая тумбочка рядом с ней. Простой стол, простой стул с высокой спинкой, простой шкаф. Простые вязанные из тряпок круглые коврики на полу, которые были здесь единственными яркими пятнами, не считая покрывала на кровати. Здесь было всё настолько просто, что даже стены не были отделаны – просто гладкие бревна, а проводка не была спрятана, и походила на светлого цвета веревки, нежели на привычные провода.

Точно - избушка на курьих ножках в этой глуши. Только вместо Бабы Яги здесь живёт не очень приветливый Дед Ягун.

А вот и он, судя по поднимающимся по лестнице тяжелым шагам и, судя по тому, что Беляш перешёл в наступление, предварительно забежав за мои ноги.

Делая вид, что всё ещё разглядываю окружающие меня «прелести», я дождалась, когда мужчина дойдёт до комнаты и остановится в дверном проеме, почти идеально совпадая с ним шириной плеч.

- Чудесная комната. Великодушно благодарю, - улыбнулась я натянуто, усиленно делая вид, что попала в сказочную страну, а не в халупу между рекой и лесом.

Мужик слегка повел светлой нахмуренной бровью, явно не очень-то веря моим словам.

Наверное, я недостаточно достоверно моргаю. Надо бы проработать этот момент, как и свои актерские данные.

- Переодевайся. Работа не ждёт, - сказал этот грубиян и вышел из комнаты, не забыв брезгливо глянуть на Беляша, который, после изнурительного лая, присел у моих ног, чтобы отдышаться.

- Что? Устала пасточка? – погладила я его между мягкими ушками. – Соберись, Беляш. Не бросай меня в начале пути в нашей борьбе за свободу и независимость.

Открыв оба своих чемодана поочередно, стало понятно, что папа ничего слышал и не знает о моих личных границах. Он не погнушался даже порыться в моем нижнем белье, чтобы вынуть из-под него принадлежности для рисования, которые я там припрятала. Даже простого карандаша мне не оставил.

Разочаровано качнув головой, я проглотила ком обиды. Закрылась в комнате изнутри и переделалась в лосины и уко-

роченный спортивный лонгслив. В облипку было абсолютно всё. Покрутившись перед зеркалом на дверце шкафа, пришла к выводу, что для прощупывания почвы, имя которой Пётр, этот наряд кажется мне вполне сносным. Нужно понять, будет ли он глазеть на меня и пускать слюни. А затем дело за малым - соблазнить и пожаловаться папочке на харассмент.

Из комнаты я спустилась с Беляшом. Оставлять его в незнакомом помещении одного не хотелось. Вдруг навалит на чужбине, а мне потом это всё придется убирать.

Внутри дома никого не оказалось. Поэтому, не разглядывая окружающую обстановку, точно зная, что привыкать к ней бессмысленно, я вышла на улицу и пошла на звуки голосов, что слышались за углом дома.

Едва я вышла из-за угла, как сердце упало в кроссовок и начало там биться в предсмертных конвульсиях. Я в жизни не видела таких огромных собак, как та, которая стояла у ноги Петра и скучаяще смотрела на меня и Беляша, который, похоже, почувствовал себя бессмертным, подходя к собаке. Кажется, это алабай. И на его фоне мой мопс казался даже мне выпердышем, которого скатали из шерсти с задницы, скорее всего, именно этой собаки.

- Что застыла? – обратился ко мне Пётр. – Не бойся. Найда не кусается. Целиком проглатывает.

- Очень смешно, - бросила я нервно, неотрывно и с большой опаской глядя на то, как ее обнюхивал Беляш. Она же

его точно может целиком проглотить и даже не подавится.

- У тебя кроме костюма аквалангиста ничего с собой нет, что ли? – вновь вернул к себе внимание Пётр, а я поняла, что совершила большую глупость, абсолютно пропустив его первую реакцию на мои обтянутые формы. И снова вижу всё того же хмурого нелюдимого типа напротив, который, похоже, отчаянно пытался понять за какие такие грехи я ему досталась.

- В этом костюме тело дышит.

- В этом тоже, - для наглядности Пётр потрепал пальцами дырку на своих джинсах. – Хуявэй, - обратился он к парню, стоящему рядом с ним. – Веди её в конюшню. Пусть там подышит телом. Только смотри, чтобы с непривычки не захлебнулась свежим... воздухом.

- Хорошо, Пётр Петрович.

- И это, Банзай... - окликнул его вдогонку Пётр. – Сегодня нужно почистить всё. Завтра у нас гости.

- Понял, - согласно кивнул парень и пригласил меня следовать за ним.

И шли мы километра три по обочине гравийной дороги. Палящее солнце выжало из меня все соки и уничтожило. А ведь я даже не начала физически работать, просто шла, пытаюсь поспеть за парнем в свободной футболке, который, казалось, не чувствовал ни жары. Ни усталости.

- А как мне к тебе обращаться? – спросила я, чтобы разбавить наше «веселое» молчание. Идти три километра и ви-

деть только кусты, деревья, траву и речку – такое себе развлечение.

- Типа, «мой господин»? – глянул на меня парень. Хорошо, что мы примерно одного с ним роста, и голову задирать, чтобы посмотреть ему в глаза, не приходилось.

- Типа имя. Господин у нас с тобой, похоже, один, - ткнула я, не глядя, себе за спину, намекая на неприветливого бородача. – Банзай? Или тебя реально Хуявэем зовут?

Парень молча вскинул брови, и в выражении его лица четко читалось разочарование в моих интеллектуальных способностях.

- Меня зовут Банзар. Обычное бурятское имя.

- А почему...? – не договорила я, ткнув снова себе за спину большим пальцем.

- Ему можно, - просто ответил, как теперь я знаю, Банзар.

И в тот момент, когда я почти пришла к выводу, что меня сейчас заведут в лес и просто грохнут, чтобы избавиться от обузы, мы вышли на ровную дорогу, которая тоже была усыпана гравием, но выглядела ухоженной, чистой и вела в огромный, огороженный белым забором двор. Даже не двор. Это целое поле.

Сочная зеленая трава была пострижена так ровно и аккуратно, будто еще вчера здесь играли в футбол мирового масштаба. Вдалеке было слышно ржание коней, а дорога, по которой мы шли, заканчивалась широкими воротами, по обе стороны от которых располагались ангары, где, похоже, дер-

жали лошадей.

- Ты в этом будешь убирать? – спросил Банзар, скептически оглядев меня с ног до головы.

- А ты видишь, что я с собой сменку принесла? – развела я руками.

- Не вижу. Но сапоги могла бы прихватить с собой.

- Ну, извините. Не знала, что у вас здесь дресс-код, - выронила я иронично и пошла следом за Банзаром в конюшню, которая находилась по правую сторону от ворот.

Нас встретил коренастый мужчина с лысинкой, который от души пожал руку Банзару и оценивающе посмотрел на меня.

- Эт ты с кем, Банзар, пришёл? – сальная улыбка застыла в уголках мужчины с неряшливой щетиной.

- Петрович нанял себе новую помощницу. Ввожу в курс дела.

- А я думал, ты свою из города привёз. Ну, если Петрович, то давайте, проходите, в дела входите, - кивнул он в сторону высоких ворот конюшни, а сам пошёл дальше по своим делам.

С дуновением легкого ветерка из конюшни донеслась вонь. Стало понятно, что долго я там не смогу находиться, потому что долго не дышать я не умею.

И снова с опаской я последовала за Банзаром. Я не боялась места, я боялась лошадей. Они хоть и казались мне милыми и красивыми, но только тогда, когда я вижу их на экра-

не ноута или телевизора, или рисую сама. С настоящими живыми лошадьми мне дело иметь еще не приходилось. Разве что пару раз видела в городском сквере, но там были унылые пони, которые за пятьсот рублей делали пару унылых кругов. Наверное, из-за жалости к ним я ни разу на них так и не покаталась.

А когда мы вошли в конюшню, Банзар, легким взмахом руки, развернул разгуливающих там без привязи коней гулять обратно на поле, где резвились их собраты. Закрыв ворота, включил свет и вручил мне лопату.

- Надень, всё-таки, сапоги, Василиса, - посмотрел он укоризненно на мои белые кроссовки. – Там в конце, за последним стойлом есть несколько пар. Выбери подходящие, надень и приходи. Перчатки и тележку я тебе подкачу.

- Там чьи-то сапоги?

- Чьи-то. Давно стоят, никто не забирает.

- Тогда я точно не буду их надевать. Это негигиенично. Вдруг грибок или еще чего... - поморщилась я брезгливо.

От вони, которая уже буквально въедалась не только в одежду, но уже в кожу, кружилась голова.

- Ну, - вздохнул Банзар. – Если эти кроссовки одноразовые и тебе их не жалко, можешь и в них дерьмо покидать.

Вручил мне лопату, новые резиновые перчатки, которые были еще в упаковке, а затем подкатил и тележку, жав короткую инструкцию о том, что и как нужно делать поэтапно.

- Какой... кошмар, - едва дышала я, соскребая огромную

кучу конского дерьма с пола. Хорошо, что оно не... жидкое. Приходилось периодически утыкаться носом в сторону своей подмышки, чтобы хоть немного вдохнуть запах своего дезодоранта.

- Это ты ещё коровье дерьмо не убирала. Там такие жидкие шевяки, что ты больше по полу размажешь, чем на лопату соберешь. А здесь, как говорит Петрович: бери на лопату побольше, кидай подальше и отдыхай пока летит, - спокойствию и отсутствию брезгливости у Банзара можно было только завидовать. — А насчёт запаха не парься. Сейчас пройдет еще минут пять, и ты перестанешь его чувствовать.

- Потому что потеряю сознание от вони?

- Потому что вымажешься вся, и уже будет пофиг, - хотнул парень, глянув на мои ноги, где от белых кроссовок остался только намек на то, что они были белыми.

Когда мы вывезли всё дерьмо из этого просто огромного ангара, пришла очередь помыть стойла.

Банзар протянул два шланга, один дал мне и на личном примере показал, как нужно поливать и что чистить.

Повторяя за ним, поймала себе на мысли, что я уже реально не чувствую запаха дерьма. По крайней мере, теперь мне приходилось морщиться не от запаха, а от того, что, ударяясь об пол, чистая вода из шланга попадает и на меня тоже, но уже с кусками дерьма.

Миллион раз я пожалела о том, что не прихватила с собой сапог и ничего другого из одежды, которую было бы не

жалко.

Хотя, будь здесь Пётр, я бы, наверное, и не поработала бы. Просто выбила бы его из равновесия вечно оттопыренным задом и декольте, чтобы он психанул и сам меня выгнал подальше от этого места. Но рядом со мной Банзар и выпендриваться перед ним нет никакого смысла. Жаль только, что впустую уничтожила серый спортивный костюм с кислотно-розовыми вставками. А какое у меня открывается декольте, стоит потянуть замочек вниз... ммм, загляденье!

Уже после первого ангара я была готова лечь хоть на невозвную кучу и начать плакать от усталости. Но впереди был еще второй ангар, в котором нас тоже ждала такая же картина.

Я просто молча следовала за Банзаром, планирую всё сделать на автомате и, наконец, добраться до душа, а там и до постели.

- Пошли, лошадей покормим. Отдохнёшь заодно, - Банзар, вероятно, заметил, что я с трудом несу себя в соседний ангар, поэтому просто свернул в сторону, прихватил ведро с морковкой и повел меня к широкому зеленому полю, где довольные жизнью гуляли лошадки, пока мы убирали тонны их дерьма.

И самое ужасное для меня оказалось то, что между нами и стадом лошадей не было никакой перегородки. А их там голов тридцать было, и все они шли прямо на нас, увидев Банзара с ведром. Наверняка, они знали, что их там ждёт,

потому так быстро и бесстрашно шли к нему.

Я же предпочла дать заднюю и зайти за массивную дверь, надеясь на то, что меня не заметят ни лошади, ни Банзар.

- Иди сюда, - махнул мне парень.

- Что-то не хочется, - хихикнула я нервно, продолжая только головой показываться из-за двери.

Банзар очень легко и непринужденно кормил с ладони лошадей, которые, похоже, были настолько умными, что, взяв каждая свою морковь, отходили в сторону, чтобы свою порцию могли взять другие, кому еще ничего не осталось.

Какие они красивые! Очень! Прямо сейчас мне безумно хотелось зарисовать белую лошадь и ее жеребенка с коричневыми пятнами, который терся мордашкой о длинную шею своей матери и дёргал головой, когда путался в ее гриве. Словно разыгрывая своего жеребенка, лошадь вновь трясла головой и накидывала на мордашку сына свою гриву.

Пожалуй, это будет первое, что я зарисую, когда мне в руки попадет хотя бы простой карандаш и лист бумаги.

- Отдохнула? – усмехнулся Банзар, закончив кормить лошадей и вернув пустое ведро на место. - Пошли дальше. Нас ждёт еще столько же дерьма.

- Убейте меня кто-нибудь! – хныкнула я, но поплелась следом за ним.

Глава 5. Пётр

Выйдя на крыльцо своего дома, знатно удивился, заметив, что солнце почти зашло, а навязанной мне помощницы Васи пока еще не было видно на горизонте.

Честно говоря, я ждал увидеть ее собирающей вещи примерно через пару минут после того, как она увидит кучи конского дерьма и откажется их убирать, сославшись на маникюр и оскорбление чувств прекрасного. Но её до сих пор нет.

Может, свалила по-английски?

Вряд ли. В таком случае, она прихватила бы с собой своего пердушонка, который не знает, как и с чего дотянуться, чтобы присунуть Найде, которая с нескрываемым наслаждением отпинаывает его задней лапой.

Может, девчонка сознанку потеряла от запашка? Тоже вряд ли. Банзай бы мне сообщил.

Ладно. Подождём еще немного.

Присев на ступеньку крыльца, я вытянул ноги, почувствовав, как они начали «гудеть» - привычная мелодия конца любого рабочего дня.

Рядом с ногами растянулась Найда, выпустив усталый выдох, чем-то схожий с моим. Рядом с ней, не зная, как лучше подойти – задом или передом – попытался устроиться мелкий выпердыш, и тут же переполнился ревностью, когда я погладил только Найду.

- Отвали. Я тебя не знаю, - мягко оттолкнул я его приплюснутую морду, но затем, когда он уставился мне в самую душу своими выпученными, будто искусственными глазами, я немного сжалился и похлопал его по макушке, надеясь на то, что сотрясения у него не будет. А-то он и так какой-то малясь ёбнутый. Что-то суетит, бегают, прыгает, твякает, хрюкает. Мы с Найдой за это время успеваем лишь пару раз моргнуть.

Наконец, когда выпердыш смог устроиться недалеко от Найды, на горизонте показалась его хозяйка. И если еще сегодня днём, уходя в конюшни, она выглядела достаточно живенько и бодро в своем обтягивающем костюме аквалангиста, то сейчас она едва несла себя к моему двору.

Помятая, в грязных разводах на одежде, на лбу черкаш. Длинная еще аккуратная русая коса днём, сейчас походила на потрепанный жизнью и временем канат. Напускной взгляд тупоголовой Барби потух и был уставлен в землю под ногами, на которых не было обуви, потому что несла она ее в опущенной руке.

Слегка подняв голову, вероятно, чтобы убедиться, что она правильно пришла, Василиса встретилась со мной взглядом и стала еще хмурнее.

Открыла калитку, вошла во двор и вяло улыбнулась встретившему ее всем трясущимся телом пердушонку. Подошла к крыльцу и, поняв, что меня не так-то просто будет обойти, сухо выронила:

- Дайте пройти.

- Э, нет, - качнул я головой. – Ты себя видела? На тебе килограммов пять конского дерьма осталось. Я тебя такую в свой дом не пущу.

- И что мне делать? На улице ночевать теперь? – воззрилась она на меня озлобленно. Того и гляди, ударит по харе своими говнотопами. – Дайте хоть помыться.

- Да кто тебе не дает? – усмехнулся я. – Дуй за дом в летний душ. Кабинка с бочкой наверху. Потом, может быть, и в дом тебя впущу.

- А полотенца? А шампунь? А гель для душа? Я, по-вашему, листом лопуха должна помыться? – стреляла она в меня вопросами и выглядела при этом как мегера. Кажется, конское дерьмо отлично убивает тупую Барби. Ну, или актерские способности.

- Я вынесу тебе всё это. И лист лопуха, - сказал я кивком головы указал ей направление. – Иди пока. А-то от вони уже глаза режет.

Собрав пухлые губы в тонкую нитку, девчонка бросила передо мной свои грязные кроссовки:

- Сожгите их, - выронила она небрежно и босиком пошлёпала за дом.

Не стал пока трогать кроссовки – их начал жевать мопс.

Поднялся в свою комнату, нашёл в шкафу полотенце, более-менее подходящее девице, затем, подумав, взял еще и второе. На голову ведь ей тоже нужно будет что-то намотать.

Гель, шампунь и прочее были на полке в самом душе. Скорее всего, они захочет свои средства, но рыться в ее шмотках я не собираюсь.

Из душевой кабины раздавался тихий мат.

- Держи, - накинул я на трубу для шторки полотенца.

- Держите, - выпал снизу грязный костюм. – И это тоже, - следом полетели кружевные трусы и лифчик. – Это всё тоже можете сжечь. И принесите мне мои гигиенические средства.

- А ты не охренела ли в первый же рабочий день швырять в работодателя свои грязные трусы? – рыкнул я на шторку.

Из-за шторки показалась голова с прилипшими к лицу мокрыми волосами. Разъяренный взгляд голубых глаз впился в моё лицо.

- А работодатель не охренел ли в первый же день бросать своего работника в кучи конского дерьма?

- Так нужно было не барахтаться в них, а убирать. Чуешь разницу?

- Я ближайшие лет десять буду чують только эту вонь, - выронила она нервно и вновь спряталась за шторкой. – Где мой гель для душа и шампунь?

Командирша, блядь!

- Моими помоешься, - отрезал я.

Через секунду я услышал, как щелкнула крышка моего шампуня.

- Еще неизвестно, что хуже воняет, - пробубнила выскочка брезгливо.

- Забрать? – подошёл я специально поближе к шторке.

- Угу, сейчас.

Естественно она фиганула на себя всё, что было в кабинке, выкинув из нее пустые бутылки из-под моего шампуня и геля для душа.

Пока она мылась, я всё же, собрал ее шмотки и закинул в печь в бане. Не потерплю, чтобы на территории моего дома валялись чьи-то грязные трусы.

Девчонка вышла из кабинки, похоже, опустошив двухсотлитровую бочку. Всё с тем же недовольным лицом прошла босиком в дом, отерев и коврик на входе стопы. Пёс семенил за ней.

Несколько минут на кухне я ждал, когда она оденется и спуститься, чтобы поужинать, так как наверняка голодная. Заодно нужно озвучить ей фронт работ на завтра. Но девчонка так и не спустилась ни через пять минут, ни через десять, ни через двадцать.

Решив, что она выёбывается и набивает себе цену, я поднялся в ее комнату сам. Тихо постучал и, не услышав ответа, приоткрыл дверь сам. Уголка моих губ коснулась улыбка, когда я увидел девчонку, свернувшуюся на краю кровати. Похоже, она как присела, так и вырубилась там.

Подтянув колени к груди и подогнув пальчики ног, она спала, прижав сжатый кулак к подбородку. Голова ее была у самого края постели, из-за чего, полотенце плавно сползло с волос, а затем вовсе упало на пол, выпустив русский водопад

до самого пола.

Покачав головой, я тихо вошёл в комнату. Показал пердушонку кулак, чтобы тот не лаял. Поднял с пола влажное полотенце. Немного подумав, решил слегка накрыть ноги девчонки покрывалом, а рядом с головой положил подушку, на которую, если ей надо будет, она сама переляжет.

Мазнул взглядом по комнате и увидел, что девчонка еще не разобрала чемоданы, но зато поставила своему псу миски и наполнила их кормом и водой. Днём их здесь не было. Стало быть, она подумала о том, чтобы покормить свою псину, но на то, чтобы поесть самой, у нее тупо не хватило сил.

Пожалуй, теперь даже интересно, что она придумает завтра после того, как сегодня ей стало ясно, что тактика Барби со мной не прокатила.

Глава 6. Василиса

- Подъём! – громкий мужской голос ворвался в моё сонное сознание вместе с барабаниющим стуком в дверь и присоединившимся в нему лаем Беляша.

Открыв глаза и резко вскинув голову, я тут же пожалела о том, что вообще шевельнулась. Болью прострелило каждую мышцу и сустав в теле.

Пока Беляш надрывался, лая на дверь, я надрывалась ради того, чтобы хотя бы поднять руку и убрать волосы с лица.

- Беляш, фу, - выдавила я из себя, наконец.

Буханка ярости успокоилась, но от двери не отошла, продолжая сторожить.

- Через десять минут завтрак, - раздался из-за двери голос, а затем послышались удаляющиеся шаги.

Средний палец двери пришлось показывать мысленно.

Какого чёрта всё тело так болит, тянет и ноет? Я не какая-то рохля. Трижды в неделю хожу в фитнес-клуб, занимаюсь с тренером, тягаю тяжести, бегаю по десять километров на дорожке. И не первый год этим занимаюсь. Но оказалась убита наповал лопатой и конским дерьмом. Кажется, у меня есть пару вопросиков к тренеру.

Решив, что двигаться, всё равно, придётся через боль, я плавно села в кровати, придерживая на груди полотенце, которое, похоже, во сне использовала вместо одеяла.

Боже! Как же болит пресс! Особенно косые мышцы.

Сев, я огляделась по сторонам и комната для меня, наконец, встала на место, когда я поняла, что уснула вчера вечером головой там, где должны лежать ноги. Наверное, последний раз так быстро и где попало я вырубалась после вечера в компании своих девчонок и мартини.

Снова огляделась по сторонам, посмотрела на Беляша, который жалобно смотрел, то на меня, то на дверь. Пришлось встать чуть раньше, чем я планировала, чтобы открыть ему дверь и выпустить гулять по дому.

Вернулась к чемоданам и достала из них трусы, шорты и майку. Из рюкзака вынула телефон, о котором вчера даже не вспомнила за весь день.

Шесть утра?! Он издевается?

Кто в такое время, вообще, хоть куда-то встает? Кому и куда может быть нужно в такое время?

Ненормальный, блин!

Надев трусы, шорты и майку на тонких бретельках, я подошла к зеркалу на дверце шкафа и придиричиво к себе прищелкнула. По ощущениям, я будто не спала, а просто потеряла сознание. Ощущения того, что я хоть сколько-нибудь отдохнула, в организме не было.

А ведь вчера был только первый день из тридцати предстоящих. Издевательство какое-то...

Может, я не родная своему папе? Иначе я не понимаю, как он смог так поступить с родной дочкой?

Сообщения от девчонок, накапавшие за вчерашний день, я решила оставить на потом. Всё равно в такой час они еще спят и проснутся только ближе к обеду.

Откинула телефон на кровать. Прошлась пальцами по взлохмаченным волосам, оставив их в распушенном виде. Прядь волос поднесла к носу и принюхалась, надеясь на то, что они ничем не воняют. К счастью, шампунь с запахом, кажется «ледяная свежесть» отлично убил вонь и даже оставил свой ненавязчивый аромат. Гель для душа с запахом «свежесть севера» тоже отлично справился со своей задачей и до сих пор ощущался на моей коже. Но я, всё равно нанесла на себя свой дезодорант и духи.

Тряхнула напоследок распушенными волосами и вышла из комнаты. Спускаясь вниз по лестнице, всё ярче ощущала аромат какой-то выпечки. Пахло просто бомбически. От желания съесть хоть что-нибудь мгновенно скрутило желудок, который еду последний раз видел только вчера на завтрак, а после аппетита как-то не было.

И вот сейчас, спустившись вниз, я, как мышка из «Тома и Джерри» шла на запах, от которого слюней стал полон рот.

Наверное, жена этого грубияна отличная хозяйка... Вдвойне отличная, если для нее не является проблемой заняться выпечкой часов с пяти утра.

Я свернула с деревянной лестницы и попала на кухню, где за широким столом стоял сам Пётр в фартуке на голый торс. Его руки почти по локоть были в муке, а сам он был сосре-

доточен на том, что мял тесто и периодически поглядывал в духовку, где румянился, как я успела понять, хлеб.

Он сам печет хлеб? Серьёзно?!

Вау!

Наверное, я гораздо меньше удивилась, если бы увидела здесь Банзара, но не Петра. И с таким спокойным выражением лица он мял тесто, будто для него это было что-то сродни медитации.

Его широкие ладони с грубоватыми пальцами умело и даже ласково справлялись с тестом, а я как замороженная наблюдала за движением его рук, кажется, поймав ту же волну спокойствия, что и сам Пётр.

- Твою мать! – выругался он внезапно, и руки его замерли, сжав тесто. – Ты бы хоть колокольчик какой на шею повесила.

Я вскинула на него взгляд, не понимая, на что он только что намекнул. Встретилась с голубыми глазами, которые плавно прошлись по моему телу, а затем медная бровь слегка выгнулась, и лицо мужчины вновь приобрело хмурый, сосредоточенный вид.

Ему что-то во мне не понравилось?

Я машинально посмотрела на себя и не нашла изъянов или чего-то нового. Да, ляжки не такие худые, как сейчас принято; да, у задницы занос два метра, как у трамвая, и, да, сиськи четвертого размера без лифчика, потому что лифчики я не люблю, тем более в шесть утра. А то, что соски тор-

чат под майкой, так это пол холодный и окно открыто. Что ему не нравится? За свои сорок лет он, наверняка, и не такое повидал.

- Проходи, садись, - кивнул он на стул сбоку от стола. – Доброе утро скажем друг другу, или ты язык отлежала?

- Лопатой отдавила.

- Славно, что он, вообще, у тебя прорезался, - хмыкну мужчина и с легкой насмешкой проследил за тем, как я села за стол, но не с той стороны, на которую он мне указал секундами ранее. – Роль Барби пошла по пизде? Быстро ты сдулась, Васька.

- Я Василиса. Если вы будете называть меня Васькой, я буду называть вас Петькой. Или Педро.

- Главное, чтобы не пидором, - бросил мужчина невозмутимо и бережно переложил тесто на пергамент на противень. Открыл духовку и буквально заставил мой желудок биться в истерику, когда ко мне пришла волна запаха горячего хлеба. Вынул готовый хлеб и поставил на его противень с тестом, тут же закрыв духовку. Круглый еще горячий хлеб переложил на белое вафельное полотенце, а затем на стол прямо передо мной. – Молоко в холодильнике, - кивнул Пётр в сторону оного.

- Углеводную бомбу с самого утра?! – выгнула я деловито бровь и незаметно сглотнула ведро слюны, собравшееся во рту. – Может, есть что-то типа мюсли или брокколи? Листья салата, например? Ну, или каша какая-нибудь?

- Тогда пиздуй к курицам и кроликам. Может, чем-нибудь из этого поделятся, если еще не сожрали, - равнодушно бросил Пётр и демонстративно отодвинул от меня горячий хлеб. Отвернулся к раковине и начал мыть руки, открыв мне потрясающий вид на свою обнаженную спину и широкие плечи. Ни одного дряблого или жирного участка кожи. Крепкий тип.

Закончив с мытьём рук, Пётр вытер их полотенцем, висящим рядом, и снял фартук, совершенно обескуражив меня торсом, где косые мышцы частично скрывались за поясом джинсов.

Мои собственные косые мышцы тут же жалобно заныли.

Похоже, этот тип немало дерьма перекидал лопатой, чтобы так подкачаться.

Игнорируя моё присутствие, Пётр открыл холодильник, достал из него трёхлитровую банку, полную молока и наполнил себе высокий стакан. Уселся на стул и отломил край горячего хлеба. Да так аппетитно начал пожирать его, запивая молоком, что я бла близка к тому, чтобы отобрать у него всё это и съесть самой.

- Точно не хочешь? – глянул на меня мужчина.

- Я хочу домой к нормальной еде, комнате и... душу.

- М, - равнодушно дёрнул Пётр бровями и осушил стакан молока. – Ты хоть в курсе, за что тебя в ссылку-то папенька отправил?

- Хочет, чтобы я стала взрослой, - цокнула я, едва не за-

катив глаза.

- И? – впился в меня взгляд голубых глаз с легким будто бы насмешливым прищуром.

- Что «и»?! Мне уже двадцать, вообще-то!

- А сидишь тут на стуле, болтаешь ножками и выёбываешься, как пятилетка: это не хочу, то не буду, дайте мне брокколи – я давно не срала зеленым...

- Вы утрируете.

- Что я только с утра не делаю, - вздохнул Пётр и наполнил чистый стакан молоком из банки. Поставил его передо мной. – Жуи, глотай, и пиздуй работать. Если хочешь не только казаться взрослой, но и быть ею, то перестань выёбываться и строить из себя королевишну. Бери ответственность и отвечай не только за своего пердушонка. Папенька с маменькой не на всю жизнь с тобой. Рано или поздно их шеи, на которых ты сидишь, лягут в землю. И останешься ты неумехой.

- Я умею работать и зарабатывать, если нужно. Я пишу картины и это приносит мне неплохие деньги, но папа считает, что всё, что я делаю – полная ерунда, потому что я не работаю, как все, в коллективе, физическим или умственным трудом. Для него моя работа – не работа, а баловство. Я просто машу кисточками и карандашами. И, вообще, в его понимании это ненадолго, - выпалила я всё, что у меня накипело.

- В чем-то он прав, - повел Пётр широким плечом. – У тебя должен быть план «Б», если затея с картинами однажды наебнётся.

- Мой план «Б» - это диплом бухгалтера, на которого я учусь по папиной, кстати, указке, - скрестила я руки на груди и уставилась в стол перед собой.

Зачем я только завела эту тему? В очередной раз убедилась, что я живу по тому сценарию, который для меня прописали родители.

- Мда, - Пётр поскреб пальцами затылок, а я машинально засмотрелась на его бицепс и игру мышц под его кожей. И почему у меня не т под руки ни карандаша, ни листочка? – Ладно, Васька, будем жить так...

- Как, Педро?

- Дружно, - посмотрел он на меня совершенно недружелюбно. – Ты поживёшь у меня месяц, как и хотел твой папенька, будешь на хозяйстве, пока меня не будет дома. Вся бабская работа на тебе, кроме мозгоклюйства. Через месяц я со слезами гордости и восхищения передам тебя твоим родителям. Будем надеяться, что наивного долбоёба я играю лучше, чем ты.

- То есть вы мне не поверили, что я... такая? – покрутила я пальцем у своего виска.

- Да нет, - качнул Пётр головой. – Сейчас смотри, и что-то прям так верится.

- Очень смешно, - закатила я глаза.

- Хлеб?

- Чуть-чуть, - сдалась я.

- Отламывай. У нас самообслуживание, - произнес Пётр

и вышел из-за стола. Помыл за собой стакан и поставил его на сушилку.

Кончикам пальцев я отломила небольшой кусочек от горячей булки и сначала принюхалась к хлебу, практически прижав его к носу.

Боже! Какой запах!

Открыла глаза и поймала на себя взгляд Петра, который, похоже, смотрел и ждал, когда я уже попаду хлебом в рот, а не в нос.

Нерешительно закинула кусочек хлеба в рот. Приятное тепло коснулось языка, от деликатного хруста на зубах едва не закружилась голова. Как же это вкусно!

- Молоком запей, - тихо выронил Пётр, и я послушно отпила немного холодного молока, едва не застонав от контраста вкусов, которые идеально дополняли друг друга.

- Очень вкусно! – выдохнула я восхищенно и покосилась на оставшийся хлеб. – Можно еще немного?

- Ты предашь брокколи? – деланно возмутился мужчина и улыбнулся, едва заметно кивнув. – Жуй. У тебя сегодня много работы.

Силы небесные! Кто-нибудь знает, как остановиться и перестать есть этот невероятный хлеб? А молоко? У него даже молоко какое-то другое на вкус. Оно будто сливочное, мягкое, нежное. Не знаю, возможно, дело в банке, которую Пётр достал из холодильника, но дома, когда я пью молоко из коробки, вкус у него совсем другой, скорее, водянистый, неже-

ли сливочный.

Пока я ела, Пётр убрал за собой кухню, оставив абсолютную чистоту. Наверное, я впервые в жизни увидела, как мужчина легко и непринужденно моет посуду. Мой папа дома посуды не касается вообще и готовил он только один раз (до сих пор помню, как в доме воняла обуглившейся яичницей).

А Пётр, как самая настоящая хозяйшка, управляется по кухне – только тряпки, губки и полотенца успевают сменяться в руках. Если бы он еще и футболку надел, чтобы я не отвлекалась на его обнаженную спину и плечи, то цены б ему не было.

- Любительница брокколи, - обратился вдруг ко мне Пётр. Подняв на него взгляд, заметила, что он уже попивает кофе из большой кружки. И всё ещё без футболки. – Ты бы полегче с хлебушком. Сейчас Банзай придёт, мне его тоже чем-то кормить надо. Вторая булка на вечер, - бросил он тут же, заметив мой жадный взгляд в сторону духовки.

Взяв себя в руки, чтобы прекратить жор, я доела последний кусочек, который был у меня в руке, допила молоко и демонстративно помыла за собой стакан, чтобы Педро Залупин не думал, что я неумеха. Правда, не очень удобно, что для того, чтобы стоять у раковины, мне приходилось стоять совсем близко к Петру, который со своим кофе не собирался никуда уходить. Я чувствовала на себе его насмешливый взгляд, но делала вид, что не замечаю.

- И это, Вась, - мягко кашлянул мужчина. - Ты бы лифчик

какой на сиськи надела или ещё какую броню. Сейчас Банзай придёт, его же откачивать придётся.

Хмыкнув, я отставила стакан на сушилку и повернулась к Петру, заглянув в его глаза снизу вверх.

- Это вы так комплимент мне сделали?

- Это я сделал так, чтобы мои помощники не проебались весь день, а сделали по дому и хозяйству хоть что-нибудь, пока меня не будет.

Грубиян! Можно подумать, что я тут с кем-то спать собираюсь.

- Доброе утро всем! – достаточно бодро в дом вошёл Банзар, прервав наши с Петром гляделки.

Взгляд парня плавно скользнул по мне, задержавшись на груди и бёдрах. Машинально я накинула на плечи волосы и прикрыла ими грудь. Стало неловко и неудобно. Ощущение тепла, исходящего от Петра прямо за мое й спиной, нисколько не делало ситуацию легче.

- Что там с дойкой, Хуявэй? – оборвал, наконец, Пётр тишину.

- Всех привёз и всех увёз, - отвлекся от меня Банзар и положил на кухонный остров связку ключей и плюхнулся на стул, на котором минутой ранее сидела я. – Машина у калитки.

- Руки помой сначала, - строго выронил Пётр, увидев, как парень потянулся к хлебу.

Молча, но Банзар послушно пошёл к раковине, от кото-

рой мне пришлось довольно быстро отходить, едва не завалившись при этом в Петра, который так и продолжил потягивать свой бесконечный кофе.

- Все были? – спросил он по-деловому сухо у Банзара, пока тот мыл руки.

- Двоих пришлось поднимать, но были все.

- Хорошо.

Парень помыл руки и вернулся за стол. Хозяйничал в доме он сам: наливал себе молоко, отламывал хлеб и даже масло и варенье из холодильника достал, не спрашивая. Похоже, он чувствует себя здесь, как дома, и хозяин этого дома ничего ему не говорит.

Закончив с кофе, Пётр помыл за собой кружку, поставил ее на сушилку и, взяв серую футболку со спинки одного из стульев, на ходу надел её. Взял ключи, оставленные Банзаром, и перед выходом из дома строго глянул на нас и, главным образом, на меня:

- Ведем себя прилично. Хату не спалите. Вернусь, куриц и кроликов пересчитаю. Если во дворе найду собачье дерьмо, кто-то может недосчитаться мопса.

- Будто ваша собака во дворе не гадит, - цокнула я.

- Моя собака приучена ходить в лес за домом, а твой пердушонок валит, не отходя от крыльца. Перевоспитывай.

Глава 7. Василиса

Пожалуй, пора начать бояться этого человека и перестать называть его в своих мыслях Педро.

Я только что своими собственными глазами видела, как его собака размером с медведя встала на задние лапы, сдвинула засов калитки на заднем дворе и убежала в лес за домом, где, сделав свои дела, вернулась обратно во двор, открыв калитку мордой и лапой. Разве что засов на место не вернула. Видимо, поэтому на калитке пружинка, чтобы она не оставалась раскрытой. Но зато мне стало понятно, что я точно недосчитаюсь своего мопса, ибо Беляш, даже если я захочу его научить такому же фокусу, элементарно, не дотянется до засова. Только если научится табуретку подтаскивать. И то не факт...

Тяжело вздохнув, и поняв всю обреченность моего пса, я поняла, что придется договариваться с местным диктатором о том, чтобы в большой калитке пропилить маленькую специально для Беляша. Сам он, конечно, вряд ли догадается бегать делать свои дела в лес, но, хотя бы, глядя на старшую подругу, будет повторять за ней. А пока что я сама открыла для него калитку и проследила за тем, чтобы он далеко не убежал и сделал свои дела.

На часах уже около восьми утра. Странное ощущение. Мой день начался в шесть утра, а не чувствую недосыпа.

Будь я дома, то проснулась бы часов в десять утра и чувствовала бы себя разбитой до первой чашки кофе. А здесь я еще даже кофе не пила, но чувствую себя бодро и почти даже весело, не считая того факта, что в такую жару ужасно хочется снять лифчик, но наличие рядом Банзара не даёт мне этого сделать. Всё-таки, я не любительница, когда на меня пялятся, да еще с таким интересом. Да, это происходит часто (виной тому рано появившаяся грудь), но это не значит, что мне это нравится.

- Давай так: ты идёшь в теплицу - поливать там всё. Бочка с водой и лейка там в углу. А я иду кормить куриц и кроликов, - Банзар взял руководство в свои руки.

- Кроликов? Я тоже хочу покормить кроликов.

- Ладно, - нехотя согласился парень. – Только не визжи там, даже если испугаешься чего-то. Кролики почти ручные, ты их всё равно больше напугаешь, чем они тебя.

Для начала мы с Банзаром достали из деревянных ящиков в амбаре на заднем дворе морковь, капусту и каких-то зерен в ведро. Я послушно делала всё, что говорил парень: крошила овощи и смешивала их с зернами. А затем началось самое интересное, когда мы пошли к клеткам с кроликами.

- Здесь аккуратнее – детеныши и мамочки. Еду клади с краю, - руководил мной Банзар, пока я как замороженная смотрела за тем, как ловко пропадала морковка и листья капусты в кроличьей пасточке, которая работала быстрее шредера.

- А можно погладить?

- Попробуй. Только смотри, чтобы из клетки не выскочил,

- снисходительно кивнул Банзар.

Я аккуратно потянулась к серому кролику, который уходил от моей руки в угол клетки, пока сам не превратился в пушистый угол.

- Ладно, не буду тебя пытаться, - сжалась я, погладив мягкую гладкую шерстку лишь пару раз кончиками пальцев. – Подавишься еще.

Других кроликов я тоже коснулась по паре раз и обиделась на Банзара за то, что тот не дал мне потрогать крошечных кроликов, объяснив это тем, что после этого крольчиха их загрызёт. Зато подростков-кроликов он разрешил мне погладить, но я ни одного не смогла поймать, ибо они гораздо шустрее тех, что постарше.

После кроликов мы пошли к курицам, где я обомлела, увидев черного петуха с красным гребешком. Как он гордо выпячивал грудь – это надо было видеть! И я никогда не задумывалась над тем, насколько курицы меньше петуха и чем они от него отличаются. Оказывается, перепутать их невозможно.

- Блин! – вышел из курятника хмурый Банзар, неся в руке яйцо, которое издавна мне показалось каким-то не таким. – Петрович просил вычислить курицу, которая несет яйца без скорлупы. Опять не успел.

- Это как это «без скорлупы»?

- Возьми, - Банзар переложил яйцо из своей ладони в мою. Сдерживая рвотный позыв, я поняла, это яйцо не в скорлупе, как нужно, а в какой-то белой плотной пленке, которая, по ощущениям, вот-вот лопнет.

- Понятно. Куда его теперь?

- Давай, я уберу.

- А зачем ему знать, какая курица несет брак? На суп хочет ее пустить?

- Для начала – витаминами откормить отдельно от других куриц. Ей, походу, не достается. А если не поможет, то в суп, - просто ответил Банзар.

- Ну, и порядки, - дернула я бровями.

Беляш ходил за мной повсюду, где ему было разрешено. Правда, он немного отхватил люлей, когда решил прилечь на грядку с редиской. Но, глядя на гордую Найду, которая лежала в тени бочек с водой, быстро понял, где ему тоже можно спрятаться от гнева хозяйки и палящего солнца.

- Так, - тяжело вздохнул Банзар, развалившись, как я, на широком крыльце дома. Глянул на экран своего мобильного и чему-то кивнул. – Петрович приедет часов в девять вечера, после дойки. К этому времени нужно приготовить ужин. Тебе помочь?

- Время только час дня, - нахмурилась я. – Наверное, к этому времени я смогу сама что-нибудь приготовить. А кого он там доит? Коней?

Банзар громко рассмеялся, закинув голову назад.

- Петрович – крупный фермер. Ты была только на его конюшне. А еще у него есть ферма, где около пятидесяти коров, примерно столько же свиней и баранов. Ну, и коз около десятка. И дохрена работников, так что работы у него хватает.

- С ума сойти, - протянула я. – И он так каждый день работает с шести утра до девяти вечера?

- Иногда с четырёх. Когда меня или другого помощника нет, а доярка на утреннюю дойку нужно хотя бы часам к пяти привезти.

- Капец, - выронила я, качнув головой. – Он робот?

- Он классный мужик. И у него никого нет, так что дома его ничего не держит.

- Никого? – нахмурилась я. – Совсем?

- Ну, не считая брата и сестры. Но они здесь почти не бывают. И, кстати, не заводи с ним разговоры про семью. Он это не любит.

- Зато он любит расистские шутки, - цокнула я. – Тебе не обидно, что он тебя Хуявэем или Банзаем называет?

- Он это специально, - улыбнулся Банзар. – Хочет, чтобы я от него ушёл и перестал помогать.

- Почему?

- Сразу после окончания школы я пришёл к нему на ферму рабочим. В универ на бюджет я бы точно не поступил, а за учебу ни мне, ни моим родителям платить нечем. Так что я решил, что буду работать на местной ферме. Платит Пет-

рович хорошо, а у тех, кто не пьёт, есть перспективы. Я думал, здесь и закреплюсь. А Петрович показал мне фигу, сам свозил в город и вместе со мной подал документы в универ, в который я хотел. Оплатил за все годы обучения вперед и заселил в общагу. В общем, я ему должен, как земля колхозу, а он считает, что нет и шлёт меня куда подальше. Но я каждый день во время каникул хожу и помогаю ему, чем могу, чтобы хоть немного отработать то, что он на меня потратил.

- Ладно, - вздохнула я. – Хуявэй – это даже не обидно.

- И я о том же, - хохотнул Банзар.

Когда он ушёл, я покормила собак и дала им воды. Домой они идти не захотели, поэтому остались на улице продолжать свои вялые игры.

Приняв уличный душ после огорода, я собрала волосы на макушке и устроила сама себе небольшую экскурсию по дому. В закрытые комнаты я сама заходить не стала. Некультурно это. К сожалению, и открытых было всего две – моя и ванная.

Наверное, всё-таки, есть в этом доме какой-то шарм. Во-первых, снаружи он кажется гораздо меньше, чем внутри; во-вторых, снаружи этот дом кажется дикой лесной избой, но внутри достаточно уютно, тепло и комфортно находиться. И по вещам, что попадались мне на глаза, было видно, что это дом мужчины – минималистично, никаких рюшечек, цветочков, мягких подушечек и пледиков. Зато есть камин, строгий диван глубокого синего цвета напротив и стулья с

ножками чудаковатой формы, будто из цельных веток сделанные.

На комодѣ у входной двери я нашла простой карандаш, точеный ножом, и даже немного попрыгала от счастья. Но недолго. Бумаги нигде не оказалось, так что карандаш пришлось вернуть на место и грустно посмотреть на него напоследок.

Перекусив салатом из овощей, которые я нашла в огороде у Петра, я приступила к готовке ужина. Банзар сказал, что Пётр предпочитает еду попроще. Главное, чтобы было побольше мяса.

Немного подумав, я решила приготовить пасту с мясным соусом. На кухне нашла всё необходимое и удивилась тому, как всё удобно для меня расположено. Мне не пришлось что-либо долго искать. Я просто тянула руку, надеясь на то, что там лежит то, что мне нужно, и находила это.

Ближе к девяти вечера у дома со свистом затормозила машина. Посмотрев в окно, я увидела зеленый «уазик» и выходящего из него с хлопком двери Петра. Мужчина выглядел уставшим и хмурым. Войдя на территорию дома, на ходу погладил встретившую его Найду, что-то сказал ей и даже Беяша не обделил вниманием, похлопав его по голове до сотрясения.

Не входя в дом, мужчина стянул с себя футболку и оставил ее на перилах крыльца. А затем, когда я уже приготовилась встречать его с улыбкой и ужином, завернул за угол дома и

исчез с поля зрения.

Разочарованно поджав губы, я решила налить себе первую за сегодняшний день чашечку кофе. К сожалению, кофе здесь был только растворимый, но это лучше, чем вообще его отсутствие.

Минут через десять в дом вошёл Петр. В одном полотенце, которое он удерживал на своих бёдрах. С медных волос его капала вода на широкие загорелые плечи. Увидев меня, мужчина явно не обрадовался, став еще более хмуры и усталым на вид.

Что не так? Я в лифчике. И платье у меня почти до колена. Декольте, правда, тоже почти до колена. Но во всем виновата грудь, а не я.

- Добрый вечер, - разбавила я тишину.

- Есть чё пожрать? – выронил Пётр небрежно и пальцами зачесал прилипшую ко лбу челку назад. – С утра ни фиги не ел.

- Я приготовила пасту с мясным соусом. Будете?

- Ну, давай. Попробуем, что ты тут наварила.

Пётр подошёл к плите, на которой стояла сковорода с соусом и кастрюля со спагетти. Открыв первой сковороду, он носом глубоко втянул запах соуса и одобритительно кивнул. По крайней мере, запах ему понравился. Уже неплохо.

Затем он открыл кастрюлю, взял вилку и воткнул ее в спагетти. Молча прочистил горло, явно сдерживая пару едких комментариев по поводу увиденного.

В общем-то, я и сама уже поняла, что потерпела фиаско. И только убедилась в этом, когда Пётр вынул из кастрюли плотный ком слипшихся между собой спагетти, и удерживал их на вилке, как пломбир на палочке.

С невозмутимым видом, он макнул «пломбир» в соус и откусил край. Немного пожевав, слегка поморщился.

- Ты готовить-то, вообще, умеешь? – спросил он.

- Умею. Просто невкусно.

Глава 8. Василиса

- Васька, подъём! Солнце уже стоит! – барабанная дробь в дверь скоро доведет меня до сердечного приступа.

Неужели нельзя будить более культурно? Запахом кофе, например, или лёгким касанием к плечу. Зачем стучать в шесть утра в дверь так, будто в доме пожар?

- Иду, Педро! – крикнула я.

Глянула на телефон. Шесть утра. Он реально живёт в таком сумасшедшем графике каждый день. Учитывая, что я чувствую запах свежего хлеба, проснулся он еще раньше меня, а ляжет позже.

Вчера вечером после неудачи с ужином, Пётр не отчаялся. Но попросил меня больше ничего не трогать на его кухне.

Мои отвратительные спагетти он измельчил вилкой прямо в кастрюле, а затем переложил их в форму для запекания в виде сердечка (очень мило для мужчины, похожего на лесника), залил их смесью из яиц и колбасы, посыпал сверху тертым сыром и поставил все это в духовку на пятнадцать минут. Сходил к себе в комнату, сменил полотенце на своей заднице на шорты и сел спокойно ужинать, кажется, позабыв о моём существовании. Учитывая, что я отказалась от ужина, забыть о моем присутствии ему было несложно. Мясной соус Пётр беспощадно вылил в унитаз, сказав, что «такое» даже собакам давать нельзя.

А затем, когда я поднялась в свою комнату и завалилась в постель, он еще оставался на кухне, убирая там посуду и заводя тесто на хлеб.

Всё-таки, я склоняюсь к тому, что он не человек, а многофункциональный робот.

Чтобы выбраться из постели, мне пришлось себя заставлять. Беяша в комнате не было. Я специально вчера вечером оставила дверь приоткрытой. Так что он, почувствовав свободу, решил рядом со мной не задерживаться. Конечно! Зачем ему теперь я, когда у него есть новая лохматая подруга?!

Потерев лицо ладонями, я сделала над собой ещё одно усилие и встала, наконец, с постели. Собрала на макушке волосы в лохматое гнездо и, надев лосины и топ для йоги,хватила с собой коврик и спустилась вниз.

И снова Пётр печет хлеб, снова его руки в муке, а на голос торсе нет ничего, кроме фартука. Просто идеальная картина каждое утро. Конечно, до тех пор, пока этот мужчина не откроет рот и не начнёт говорить.

- Ты в поход собралась? Нахрена тебе это? – указал он хмурым взглядом на фиолетовый коврик для йоги в моей руке.

- Я пропустила позавчерашний вечер и вчерашний день, не уделив своему здоровью должного внимания. Хочу сегодня наверстать. Можете присоединиться. Йога очень полезна для людей любого возраста. Особенно вашего, - ехидно

улыбнулась я, наливая себе стакан воды из графина.

- Нос еще не дорос, - выронил Пётр небрежно и мазнул мне по кончику носа пальцем, оставив след от муки. — Я свои геморрой и радикулит честно нажил за все годы, так что добровольно с ними не расстанусь.

- Займитесь хотя бы зарядкой. Утренней. Полезнее, чем поедание хлеба, - указала я взглядом на круглую буханку горячего хлеба на столе.

Как же есть хочется!

- Пожрёшь? Или конечности натошак завязываются?

- Натощак.

Допив стакан воды, я вышла из дома, оставив Петра одного жарить себе яичницу. Нельзя соблазняться на его кулинарные способности. Иначе зад мой никогда не прекратит свой рост.

На улице я решила расположиться прямо на бетонированной площадке перед крыльцом. Здесь ровно, чисто и даже ветерок слегка поддувает. А еще пахнет цветами, которыми засажено всё пространство вокруг.

Приняв начальную позицию, я начала разминать шею, кисти рук и плечи. мышцы всё еще болели после испытания конюшней, но при этом их приятно тянуло во время растяжки. И это расслабляло.

Беляш, зная мои привычки, спокойно завалился в тенёк высоких цветов и, высунув язык, пыхтел оттуда как старый дед, пробежавший марафон. А вот Найда, похоже, не была

готова к тому, что в ее дворе на коврике из пенопласта будет гнуться какая-то девчонка.

Встав напротив меня, она чуть склонила голову набок и внимательно следила за каждым моим движением. Иногда мне казалось, что она хмурилась почти так же, как ее вечно чем-то недовольный хозяин.

В один из моментов я решила погладить ее за ухом, но Найда убрала голову в сторону, не позволив мне ее коснуться.

- Правильно, Найда. Вдруг это барахтанье червя на коврике заразно. Не давай ей себя касаться, - усмехнулся низкий голос сверху.

Задрав голову, я увидела Петра, который, стоя на балконе, потягивал кофе из своей большой кружки. Конечно же, без футболки, но в джинсах.

- И давно вы наблюдаете? – крикнула я. Отвернувшись, закатила глаза и сменила позицию.

- Да минут десять уж. Жду, когда завяжешься, да можно будет тебя в багажник закинуть и на ферму увезти телятам поиграть.

- Не дождётесь.

Встав в позу собакой мордой вниз, я весьма красноречиво показала, куда Петру следует пойти вместе с его плоскими шуточками. Не выходя из этой позиции, выпрямила правую ногу вверх и со смехом взвизгнула, когда Найда решила игриво под меня поднырнуть и начать лизать лицо.

- Найда, - хохотнула я, упав рядом с ней на коврик, который она заняла почти полностью. Трепля ее по шерсти за ушами и на шее, я рассмеялась еще громче, когда Найда, будто парадирую меня, опустившись на передние лапы, подняла свой зад и попыталась задрать заднюю лапку.

- Всё, Найда. Пиздец заразен, - смеялся сверху Пётр. – Разогнись. Не вгоняй пердушонка в комплексы. Он и так после пробежки с тобой чуть не сдох три раза.

- Ой, Петя! Неужели я тебя поймала? – женский гнусавый голос схлопнул наше веселье, как мыльный пузырь.

Пётр со слегка поблекшей улыбкой перевел взгляд с меня на источник неприятного моему слуху звука и кивком головы поздоровался.

- Здравствуй, Наташа, - произнес он и отпил немного кофе, продолжая опираться локтями о перила балкона.

Присев на коврик и продолжая чесать напрягшуюся вместе со мной Найду, я посмотрела на женщину, стоящую за калиткой и не очень-то доброжелательно на меня посмотревшую.

На часах нет еще даже семи утра, а она уже при параде, если ее внешний вид можно так назвать: красное платье в белый горошек, алые губы и черные стрелки за слипшимися черными ресницами. Да она не поленилась даже локоны на своих волосах до плеч накрутить! Впрочем, грудь выставить так, чтобы ее точно было хорошо видно с балкона, где стоял Пётр, она тоже не поленилась.

- А я к тебе, Петь, по-соседски, за солью, - вещала женщина.

По-соседски? Я специально посмотрела по сторонам.

От этого дома до ближайшего километра два-три по отсутствующей дороге. Ближе соседей не нашлось? Или у Петра какая-то особо соленая соль?

- Ну, заходи, - снисходительно вздохнул Пётр и, оттолкнувшись от перил, ушёл с балкона.

Дамочка в красном, гордо расправив плечи, будто выиграла олимпиаду по борзости, открыла калитку и споткнулась о свои же ноги, когда на нее из тенька, чередуя хрюканье с лаем, выскочил Беляш.

Крупно вздрогнув, баба в красном, почему-то, предпочла схватить себя за сиськи и только потом решила покричать и весьма неправдоподобно:

- Петя! Петя! Здесь какой-то пёс! Я боюсь!

- Он вас больше испугался, чем вы его, - хмыкнула я и получила в ответ порцию пренебрежительного взгляда от дамочки из-под слипшихся ресниц.

Как-то быстро она забыла, что только что испугалась до смерти. Беляш, впрочем, тоже быстро выдохся: оборвав свой лай, завалился обратно под куст, вероятно, надеясь на то, что кто-то долает за него. Найда дамочку, вообще, проигнорировала и развалилась на моём коврикe, выместив с него меня. Пришлось встать и посмотреть на дамочку, которая в своих босоножках на танкетке была со мной одного роста.

- А ты кто? – чуть скривила губы женщина, которой на вид было явно за тридцать.

- Помощница Петра. А что? – скрестила я руки на груди. Видит Бог, я могла бы быть более дружелюбной, если бы она не смотрела на меня с таким нескрываемым отвращением.

- А ничего, - качнула она головой, поджав губы. Смерила меня еще раз взглядом и гордо пошла в дом. – Помощница... - услышала я выплюнутое женщиной слово.

Я молча дернула бровями и опустилась на коврик, где о занятиях йогой пришлось забыть, так как Найда мне места уступать не собиралась. Поэтому я просто от души погладила и потискала такую большую и добрую собаку, которая только внешне казалась грозной и злой. Но на деле она ласковая плюшка. Наверное, даже Беляш не так сильно радуется моим ласкам, как Найда.

Оставив Найду и Беляша на улице, я вошла в дом. У порога сняла свои тапочки и с большим трудом сдержала в себе детское желание пнуть босоножки на танкетке.

Прошла в кухню и, наливая себе стакан воды, закатывала глаза, пока дамочка пискляво смеялась над тем, что говорил ей Пётр.

И что это за идиотская привычка такая, трогать мужчину за плечи и бицепсы, когда ржёшь? Ну, довёл он тебя до приступа смеха и что? Не до оргазма же. Нафига за него хвататься?

И этот тоже хорош! Хоть бы футболку надел!

- Ой, Петя, - смеялась женщина, утирая несуществующие слёзы в уголках глаз. - Ну, ты даёшь!

- Да, я такой, - выронил Пётр самодовольно.

Я снова закатила глаза.

Эти двое, вообще, хоть что-нибудь знают про флирт? У детей и то лучше получается.

Допив воду, я сполоснула стакан и поставила его на сушилку. Снова посмотрела на «голубков», о чем-то хихикающих, и поняла, что соли бедной женщине так никто и не дал. Достав с верхнего ящика большую банку, наполненную солью, я поставила ее на стол рядом с женщиной.

- Кажется, вы за солью пришли? – произнесла я с легкой улыбкой.

- Ой, точно! – махнула женщина рукой, глянув на меня совсем неблагодарно. – Заболтал ты меня, Петь, - хохотнула она кокетливо и, конечно же, подержалась за плечи Петра, ибо иначе со стула же не встанешь...

- Вам в ладони насыпать? – спросила я. – Или вы щепотку возьмёте?

Пётр, глянув на меня, торопливо спрятал улыбку за ободком своей ведрокружки с кофе.

Мы с женщиной продолжили играть в гляделки.

- Всю возьму, - схватила дамочка со стола банку. – Петь, ты же не против?

- Забирай, - легко согласился тот.

- Ну, ладно, Петь. На работе увидимся.

Дамочка напоследок бросила в меня, как дротик, взгляд, полный неприязни, и, надев босоножки, вышла из дома, виляя задом.

- Ты мне так всех поклонниц распугаешь, - нарочито строго посмотрел на меня Пётр.

- Я всего лишь остановила унижение, - я отвернулась, чтобы налить себе чай и заметила, что в сковородке Пётр оставил для меня половину яичницы.

- Она меня, вроде, не унижала. Наоборот – приятно так гладила. Ласкала...

- Она унижала себя своим поведением, - резко оборвала я едва ли не мурлыкающий от удовольствия голос Петра. – Нельзя так дешёво и так открыто предлагать себя мужчине. Это же отвратительно. Так что будем считать, что я спасла её из чувства женской солидарности. И в ее возрасте уже даже неприлично не знать основы ненавязчивого флирта.

- А ты спец во флирте? – хмыкнул Пётр и, подперев бедром столешницу гарнитура рядом со мной, насмешливо на меня посмотрел. – Покажешь?

- Для того, чтобы я хотела с кем-то флиртовать, этот кто-то должен быть мне симпатичен. А это не про вас, Пётр.

- Иными слова, ты сама нихера не умеешь, но считаешь, что можешь учить других.

- У вас красивые яйца, - произнесла я уверенно и заглянула в голубые глаза, в которых на мгновение расширился

зрачок. – Ровные такие... В сковородке, - добавила я, спрятав улыбку за ободком своей кружки с чаем и слегка игриво посмотрела в его глаза. – Вкусные, наверное?

Пётр тихо хохотнул, качнул головой и опустил взгляд в свой кофе.

- Завтракай, и поедешь со мной на ферму. Мне сегодня телятница нужна.

- Но я не умею! – из-за страха перед неизвестностью по рукам пробежались мурашки, а вся веселость мгновенно улетучилась.

- Научат, - выронил Пётр, намывая свою кружку. – Красивые яйца стынут. Ешь быстрее, скоро Банзай приедет.

Глава 9. Василиса

- Мда...

Пётр недовольно поджал губы, стоило мне спуститься вниз в своей «рабочей» одежде. Ему явно не понравился мой прикид, состоящий из простой серой свободной футболки и кислотно зеленых велосипедок.

- Что на этот раз не так? – вздохнула я, тоже придиричиво себя оглядев. Даже две косы заплести не поленилась. – Проще одежды у меня с собой нет.

- Ты думаешь, телятник – это что-то типа человеческих яслей, а телята там не какают и в подгузниках?

- Ответ на первую часть вашего вопроса – да. Вторую – какают, но, надеюсь, не в таких объёмах как лошади в ваших конюшнях.

- Хрен с тобой, - махнул на меня мужчина рукой. – Выдам тебе халат и сапоги.

- Я не надену поношенное.

- Тебя никто не просит надевать поношенное. Новое наденешь. В моём кабинете всё есть, - бросил мне Пётр, уходя в сторону выхода из дома.

- У вас есть кабинет?

- Нет, - выронил он, выдавив улыбку, похожую на гримасу. – Я работаю между кучами навоза. Мы же, фермеры, все такие, - теперь уже ворчал Пётр. – Насмотритесь фильмов и

сериалов с карикатурами на настоящую фермерскую жизнь, а потом думаете, что дохрена знаете.

Стиснув зубы, не стала вступать с мужчиной в спор. Пусть там как-нибудь сам с собой это переварит. Сомневаюсь, что два человека с разным видением этого мира сойдутся в одной компромиссной точке.

Выйдя на улицу, мы встали на крыльце, ожидая, когда к нам подъедет появившийся на горизонте Банзар на зеленом «уазике».

Парень достаточно шустро доехал до нас, припарковал машину у калитки и передал ключ встретившему его Петру.

- Все были? – задал он, похоже, стандартный вопрос.

- Завьяловой не было. Не смогли поднять.

- Бухая?

- В мясо, - кивнул Банзар.

- Ладно. Иди поешь. Сегодня за главного. Незнайку я забираю с собой, - кивнул Пётр в мою сторону, а я едва удержалась от того, чтобы показать ему средний палец. – И мясо мне к ужину достань. Сам приготовлю.

- Так я могу приготовить, - настоял Банзар.

- Идите вы оба, знаете куда, готовщики? Один может, другая умеет... Сказал, сам приготовлю, значит сам.

- Ладно, - Банзар пожал плечами. Было видно, что ему немного обидно, но спорить с Петром он не стал.

Сам Пётр ловко сел за руль и, посмотрев на меня через лобовое, стал ждать, когда я тоже займу своё место.

- Банзар, пожалуйста, Беляшу воду подливать не забывай, если слишком жарко будет. И Найде тоже, - сложила я умоляюще бровки, на что Банзар удовлетворительно кивнул.

Сев в машину к Петру, я едва не выпрыгнула из неё обратно.

- Почему здесь так воняет? – пришлось спрятать нос в ладонях, в которые, к счастью, несколько минут назад был втёрт ароматный крем.

- Потому что в этой машине доярок возят и рабочих, принцесса, - хмыкнул Пётр и завёл двигатель. Из опущенного стекла дверцы вытянул руку и сорвал ближайший цветок из своего палисадника. Сунул его мне прямо к спрятанному в ладонях носу. – Занюхай. Если в дороге захочешь включить кондёр – можешь тоже опустить стекло.

- Угу. Или выброситься на ходу из машины – тоже вариант. Боже! Ну, и вонища! - «кондёр» пришлось открыть сразу... сразу после того, как я разобралась, что для того, чтобы опустить стекло, нужно покрутить ручку на дверце.

До фермы мы доехали с моим сотрясением. Еще никогда меня не мотало по машине так, как в этом «уазике». Я, конечно, понимаю, что дороги, по которой мы ехали, почти нет из-за того, что ее испортили тяжелогрузы регулярно здесь проезжающие, но я не думала, что у машины могут быть настолько деревянные колеса и стойки.

Одному только Петру было плевать на то, что меня мотало по его машине. Сам он сидел за рулем так, будто был при-

клеен к своему сиденью.

- Боже, - вышла я из машины, когда Пётр припарковался у одноэтажного длинного здания, обшитого бежевым сайдингом. – Как ваши доярки после такой дороги еще работать умудряются?

- Опытные, - просто бросил Пётр и кивнул головой в сторону входа в здание. – Давай в мою контору. Выдам тебе робу, и пойдёшь в телятник. Там тебе всё объяснят.

Молча закатив глаза, двинулась за мужчиной в «его контору». С облегчением обнаружила, что внутри здания прохладно и на входе есть кондиционер, не пропускающий уличный зной. Едва входная дверь за нами закрылась, и мы пошли по узкому коридору, две двери открылись, и из своих, наверное, кабинетов, вышли женщины, тут же одарившие Петра широкими улыбками, а меня окатили с ног до головы нескрываемой неприязнью.

- Доброе утро, Пётр Петрович! – улыбались они ему, поправляя при этом свои лёгкие летние платица.

- Доброе, - сухо бросил им Пётр, не удостоив дамочек своим вниманием.

Хоть бы посмотрел, сухарь, как красивые и покрашенные в восьмом часу утра!

- Здравствуйте, - с трудом, но я нашла в себе силы, чтобы улыбнуться им и поздороваться.

- Здравсти, - выронили они, окинув меня оценивающим взглядом, явно придя к единогласному выводу, что я «фу».

- Приятный женский коллектив вас окружает, - я вошла следом за Петром в его кабинет. По крайней мере, на двери значилось его фамилия и имя. – Вам не тесно в их змеиных кольцах?

- Мне похер, - бросил Пётр. Не глядя на меня, открыл узкий шкаф, стоящий в углу, и начал в нем рыться и чем-то шуршать.

Я запрятала руки за спину и стала молча разглядывать его кабинет. На стенах было полно рамок со всякими дипломами, сертификатами и грамотами. И еще было полно фотографий, где Пётр стоит с коллективами, похоже, своих рабочих. Самая яркая фотография здесь для меня оказалась та, на которой Пётр стоял среди пятнадцати женщин в цветных сапогах, белых халатах и косынках и широко улыбался в кадр, держа в руках како-то кубок. Счастливый такой, будто приз мечты выиграл.

На другой фотографии он был в компании одних мужчин в ярких оранжевых комбинезонах. Широко он там не улыбался, но явно был горд собой, сверкая наручными часами. Странно, что сейчас он ничего не носит на своих запястьях.

- Одевайся, - отвлек меня короткий приказ.

Повернув голову на звук мужского голоса, наткнулась на яркие розовые резиновые сапоги и белый халат в руках Петра.

- Это мне?

- Нет, мне, - едва не закатил он глаза. – Одевайся. С раз-

мером, вроде, угадал. И поживее, телят кормить пора.

Одежда выглядела новой. Я решила не выпендриваться, чтобы не тратить на это время, поэтому молча поменяла кеды на розовые сапоги, а сверху своей футболки накинула и застегнула халат.

- Ну, как? – покрутилась я перед Петром.

- Косынку повяжи и волосы спрячь так, чтобы в дерьмо ими как кистью не попасть.

В следующую секунду Пётр достал для меня квадрат белой ткани с верхней полки шкафа. Молча дождался, когда я повяжу его на своей голове и, только удовлетворившись увиденным, вновь приказал следовать за ним.

В этот раз мы вышли из здания, обошли его и пошли по деревянному тротуару в сторону, где было слышно мычание, блеяние и что-то схожее с рычанием медведей.

Мы подходили к длинному низкому зданию, построенному словно из белых больших камней. Идя за Петром, я до смерти испугалась пробежавших мимо нас коров, гонимых пастухом на лошади, и машинально схватила Петра за руку и прижалась к его боку, стараясь найти защиту.

- Не ссы, - хохотнул мужчина, но руку мою не выпустил, а лишь сжал увереннее. – Они по своим делам идут. Не за тобой.

- Всё равно страшно. И воняет.

- Это ферма. Тут всегда чем-то воняет. Но тебе сегодня достанется самая приятная часть: порезвишься с телятами.

- Прямо порезвлюсь? А если они меня затопчут или забодают?

- Этим телятам месяц-два. Максимум, что они могут сделать – затереться об тебя до смерти в поисках ласки.

- Ну, да. Конечно, - хохотнула я иронично и продолжила прижиматься к Петру даже тогда, когда мы вошли в здание фермы и там не было ни одной коровы. Остались лишь пустые стойла, в которых рабочие наводили порядок и они явно боялись сурового Петра куда больше, чем я боялась коров.

В следующем после коровника крыле оказалось на порядок чище. Здесь помимо навозной вони чувствовался запах свежего дерева. Беглый взгляд на обстановку вокруг дал понять, что данное помещение построено совсем недавно: всё чисто, свежо и даже стены кажутся белыми, а освещение ярким.

- Здравствуйте, Пётр Петрович, - навстречу нам вышла миниатюрная женщина в белом халате и с косынкой на голове, как у меня.

- Здравствуй, - кивнул ей сдержанно Пётр и кивнул в мою сторону. – Принимай, Алдаровна, помощницу. За Алёнку сегодня будет. Расскажешь, покажешь ей, что да как?

- Конечно, Пётр Петрович, - улыбнулась женщина, бодро кивнув. – Всё сделаю.

- Здравствуйте, - улыбнулась я ей в ответ и запрянула руки за спину, не зная, что делать и чего здесь можно касаться. –

Я Василиса.

- Красивое имя, - отозвалась женщина. – А я Баярма Алдаровна, - я мгновенно подумала о том, чтобы переспросить и запомнить её имя и отчество до буквы, чтобы не ошибиться, когда буду к ней обращаться. Снова почувствовав моё легкое замешательство и панику, женщина тихо хохотнула. – Не бойся, Василиса, привыкнешь. Баярма Алдаровна.

- Баярма Алдаровна, - повторила я за ней практически по буквам и с облегчением выдохнула, когда женщина удовлетворительно кивнула.

- Тогда начинаем работать, Василиса? – обратилась она ко мне, начиная достаточно активно надевать синие, как у врачей, перчатки.

- Начинаем. Только... - растерялась я. Машинально сунула руки в карманы, но не обнаружила там перчаток для себя. Беспомощно посмотрела на Петра, который, как фокусник, достал пару перчаток из небольшого белого ящичка на стене. – Спасибо.

- В обед за тобой заеду. Постарайся до этого времени ни во что не вляпаться, - сухо выронил Пётр.

- Это невозможно, - хмыкнула я, намекая на дерьмо, что поджидало меня на каждом шагу.

- Ну, да, - дёрнул мужчина бровями, намекая явно не на дерьмо, а на всю меня целиком.

Баярма Алдаровна довольно понятно и чётко объясняла мне, что и как нужно делать. Сначала мы сходили, как она

сказала, за бутылочками. Я не думала, что бутылочки будут такими большими, а вместо маленькой милой соски, которую я успела себе представить, там будут большие черные... сосища. Я даже не знаю, как еще их можно назвать.

Самое интересное и в то же время волнительное началось тогда, когда Баярма Алдаровна доверила мне кормление самых маленьких телят, которых по самым разным причинам отказались кормить их матери: у кого-то было покусано вымя, у кого-то потрескались соски, а какая-то корова оказалась просто дурой дурной, как объяснила мне женщина.

Глядя на то, как Баярма Алдаровна кормила телят побольше, я повторяла за ней с теми, что поменьше. Присасываясь к бутылкам с молозивом, телята вели себя, как настоящие дети. Они даже баловались, ожидая, когда у меня освободятся руки, и я смогу покормить и их тоже.

Я не знаю, почему, но я совершенно их не боялась. Страх, конечно, был, но это был страх сделать что-нибудь не так и навредить своими неумелыми действиями. Поэтому я повторяла всё в точности так, как делала Баярма Алдаровна.

Покормив, мы выпустили телят на улицу в их маленький загон, где часть из них развалилась на свежей зеленой траве, чтобы поспать, а другие начали просто дурить, и я мы вместе с ними.

Маленькие, чистые, ласковые, с длинными пушистыми ресничками и розово-белыми носиками. Никогда бы не подумала, что они тоже любят, когда их гладят и говорят доб-

рые слова. Я сегодня, наверное, наобнималась на сто лет вперед. Вернусь к Беляшу, и он точно приревнует.

В какой-то момент я заметила, что телята обсасывают пальцы Баярмы Алдаровны, да так смачно, с причмокиванием, что я всерьёз испугалась, что она вынет из их ртов обглоданные до костей пальцы.

- Вы чего это, проголодались уже, что ли? – вынула она из их пасточек, к счастью, целые и невредимые пальцы в перчатках. – Вам еще рано до следующего перекуса.

- А зачем вы им... пальцы в рот? – поморщилась я.

- А ты думаешь, они тебя за пальцы поймать не пытаются? – хохотнула Баярма Алдаровна. – Ты руку-то им подставь, да посмотри как инстинкты работают.

- Что-то страшно. А если откусят?

- Так ты не зевай. Следи.

И снова я повторила за женщиной, подставив телятам руки, как она. И чуть не завизжала, когда самый ласковый теленок из всех, кого я сегодня тискала, присосался к моим пальцам. Хотелось одновременно и одёрнуть руку, чувствуя, как причмокивают моими пальцами, и вместе с тем хотелось припрыгивать на место от какого-то детского восторга.

Но долго я свои пальцы мусолить не дала. Страшно, всё-таки. Но зато продолжила наглаживать телят, а затем вовсе осталась с ними одна, когда Баярма Алдаровна ушла позаботиться о новой порции молока и молозива для телят.

- Я смотрю, ты втянулась, - насмешливый голос Петра от-

влек меня от глажки телят.

- Они такие хорошенькие!

- Как и все дети, - Пётр подошёл к забору, через который к телятам перегибалась я, и тоже начал их гладить и ласково трепать. - Обедать-то собираешься? Или не голодная?

- Вообще-то, голодная, - прижала я ладонь к животу.

- Ну, тогда выбирай, кого не жалко. Шашлык сделаем побыстрому, - в оцепенении я посмотрела на Петра, который с серьёзным выражением лица выбирал себе теленка на обед. – Смотри какой крепенький. Мяса много, наверное.

- Вы серьёзно? – к глазам подступили слёзы.

- Ты меня, дурака, за кого держишь? – хохотнул мужчина. – Никто их сегодня есть не будет. Пусть еще немного подрастут. Поехали в столовку. Жрать хочу.

- Ну, и шуточки у вас, - буркнула я, утирая в уголках глаз, всё-таки, выступившие слёзы.

- Пётр Петрович, - быстро шагала к нам Баярма Алдаровна, сжимая телефон в руке. – А почему мне зарплата опять вся пришла?

- А что не так? – чуть нахмурился Пётр. – Как и всем, кто хорошо работает, зарплата начисляется вся. Ты же хорошо работаешь, Алдаровна, или мне перепроверить?

- Хорошо, Пётр Петрович. Хорошо. Просто... - женщине слишком очевидно было некомфортно в моем присутствии говорить следующие слова. – Просто неудобно, Пётр Петрович. Вы и зарплату нам платите, и за учёбу Банзара. Удер-

живайте с меня, хотя бы, половину...

- Алдаровна, отвали! – нервно выронил Пётр и широко-ми шагами пошёл в сторону своей конторы, а я зашагала за ним, пытаюсь поспеть. – Мне твой сыночек мозг каждый день сношает, ты еще пристала. Сказал же, что сочтёмся, значит, сочтёмся. И, вообще, это наши мужские дела. Не лезь.

- Но Пётр Пет...

- Отвали сказал! – отмахнулся он от женщины, как от на-зойливой мухи, а мне, почему-то, стало весело, глядя на по-пытки Петра отбиться от неё. Было видно, что он на нее со-всем не злиться, но усиленно делает вид, что зол.

Я думала, что столовая, о которой говорил Пётр, нахо-дится где-то рядом со зданием фермы или конторы со злы-ми тётками, но оказалось, что нам пришлось ехать гораздо дальше от фермы в ещё один здоровый ангар. В этот раз это длинное здание с залежами досок, бруса и опилок оказалась пилорамой. Небольшой, но достаточно внушительной. И те-перь мне стало ясно, откуда на фотографии с Петром взялись мужчины в оранжевых комбинезонах.

- И эта пилорама тоже ваша? – спросила я, чувствуя запах дерева, а не дерьма, вокруг себя.

- Моя.

- Вас точно Пётр Петрович зовут, а не Маркиз Карабас? – спросила я насмешливо.

В ответ мужчина лишь улыбнулся уголками губ и качнул

головой. А затем резко поймал меня за локоть и прижал к своему боку.

- Что вы...?! – пришлось заткнуться. Оказывается, я не заметила, как в нашу сторону ехал погрузчик с брёвнами, которыми едва не снёс мне мою бестолковую голову. Водитель уважительно кивнул Петру в знак приветствия. – Спасибо.

- Угу, - выдохнул Пётр и отпустил меня, когда мы дошли до безопасной зоны, а до моего нюха донесся аромат выпечки.

- Только не говорите, что у вас здесь еще хлебзавод есть, - глянула я на мужчину через плечо.

- Пока только столовая. Но спасибо за идею. Я подумаю, - хмыкнул Пётр и скорректировал направление моего движения в сторону нужной двери, которую для меня открыл. – Пиздуй, - кивнул он, ускоряя меня.

- А я только собралась похвалить в вас джентльмена, - вздохнула я нарочито разочаровано.

Зашла внутрь и оказалась в достаточно цивилизованном местечке с двумя раковинами. Чисто и аккуратно. Плитка на стенах, сенсорные дозаторы для мыла, бумажные полотенца, ветродуйка. Даже не скажешь, что в глуши далеко не просто за городом, а за ближайшей деревней, есть оазис чистоты и порядка.

Пётр помыл руки, и я вместе с ним. Желудок уже завязался узлом от запахов, витающих вокруг.

И снова Пётр открыл для меня дверь, и в этот раз мы по-

пали в основной зал со столами, стульями и еще более аппетитными ароматами.

И всё из дерева.

- Здравствуйте, Пётр Петрович, - появился за прилавком молодой парень. – Вы сегодня поздно.

- Здравствуй, - пожал Пётр руку парню. – Мне как обычно, а барышня сама выберет.

- Понял, - отозвался парень бодро и натянул на руки одноразовые перчатки. Быстро налил Петру тарелку еще горячей солянки, которая пахла так, что я чуть слюной не захлебнулась. Суп поставил на красный поднос, туда же поставил тарелку пюре, выложенного барханами, со шницелем. И на добивку - салат с огурцом, помидором и красным луком.

Ну, у него и аппетит, конечно!

Оставив поднос для Петра на столе, за которым Пётр уже сидел, листая что-то в телефоне, парень вернулся ко мне и вопросительно заглянул в глаза.

- А мне, пожалуйста, солянку и... - я забежала глазами, не зная, чего еще хочу. - ...А это что? – указала я на стаканы с цветными напитками в них.

- Лимонад, морс из смородины, компот из...

- Морс, - остановила я парня.

- Солянка и морс? И всё?

- И всё, - кивнула я. Приготовила телефон для оплаты. – Сколько с меня?

Парень явно растерялся, услышав мой вопрос.

- Пиздов с тебя три раза, - ответил за него Пётр. – Димка, ложка где?

- Блин, - выругался парень тихо себе под нос и унес поднос с моим супом и морсом на стол к Петру, не забыв прихватить и ложки.

Я села за стол и почувствовала себя неловко, не спеша приступать к обеду. Пётр же уже хлебал горячий суп за обе щеки.

- Уже не голодная? – посмотрел он на меня вопросительно.

- Я не заплатила. Мне неловко.

- Эта столовая для местных работяг. Здесь не нужно ни за что платить.

- Это местным работягам не нужно. А я же не местная работяга, - шептала я, воровато оглядевшись на парня, который смотрел в нашу с Петром сторону, делая вид, что увлечен протираанием стола.

- Жуй и не ной, - выронил Пётр нервно. – Обед не резиновый.

Молча и крайне возмущенно вздохнув, я, всё же, приступила к обеду и едва не растаяла блаженной лужицей, почувствовав вкус солянки, которую сто лет не ела.

- Ну, как? Голос совести захлебнулся вкусом солянки?

- Захлебнулся, - довольно кивнула я. – Очень вкусно.

Пётр тихо усмехнулся и продолжил свою трапезу. За всё время, за которое я успела съесть только суп, он съел все

блюда, что были у него на подносе и даже стаканом лимонада запил.

Я ждала, что на его бороде повиснут остатки шницеля или колечко лука, но он ел очень аккуратно хоть и быстро. Аж бесит. Даже докопаться не до чего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.